

Список литературы

1. *Веселова И. С.* Логика московской путаницы (на материале московской «несказочной» прозы конца XVII – начала XX вв.) // Москва и «московский текст» русской культуры. М., 1998. С. 102–107.
2. *Воронцова К. В.* Литературный Китай в стихах Елены Шварц // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы : сб. материалов II Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Уссурийск, 2011. С. 57–61.
3. *Воронцова К. В.* «Петербургский миф» в поэзии Елены Шварц и «Лондонский миф» в прозе Питера Акройда // Образовательные технологии в виртуальном лингвокоммуникативном пространстве : сб. науч. докл. IV Междунар. виртуальной науч.-практ. конф. по русистике, литературе и культуре (США, Вермонт, Мидлбери колледж и др.). Ереван, 2011. С. 65–70.
4. *Калмыкова В. В.* Москва и «немосквичи», или Необычайно правдивая история превращения города в книгу, записанная новожилами его быта и бытия // Город и люди: Книга московской прозы. М., 2008. С. 345–358.
5. *Леонович В.* Та самая // Знамя. 2004. № 6. С. 23–25.
6. *Лошаков А. Г.* Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 11. С. 102–115.
7. *Люсый А. П.* Крымский текст в русской литературе. СПб. : Алетейя, 2003. 314 с.
8. *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : ННРУ, 2003. 169 с.
9. *Петров В. П.* Соч. : в 3-х т. Т. 2. СПб. : В медицинской типографии, 1811. 283 с.
10. *Прохорова Л. С.* Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: [б. и.], 2005. 21 с.
11. *Хорев В. А.* Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. М. : Индрик, 2005. 232 с.
12. *Шафранская Э. Ф.* Ташкентский текст в русской культуре. М. : Арт Хаус Медиа, 2010. 301 с.
13. *Orłowski J.* Miecze i gałązki oliwne : antologia poezji rosyjskiej o Polsce (Wiek XVIII – XX). Warszawa : Wydawnictwa szkolne i pedagogiczne, 1995. 448 p.

Е. В. Катаева

Научный руководитель: А. А. Арустамова
доктор филологических наук, профессор (ПГНИУ)

РОЛЕВОЙ ГЕРОЙ В ПОЭЗИИ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Говоря о субъектной организации лирики Я. П. Полонского, нельзя не коснуться произведений, относящихся к ролевой лирике. Исследуя ее своеобразие, в качестве теоретической базы мы использовали исследования Б. О. Кормана, С. Н. Бройтмана, А. А. Моисеевой, И. А. Каргашина. **Герой ролевой лирики** присутствует в тех стихотворениях, где носитель речи, которому принадлежит высказывание, «открыто стоит, выступает в качестве “другого”» [2, с. 144]. Здесь автор высказывается «не от своего лица, а от лица разных героев. <...> Он присутствует в стихотворениях, но скрыто, как бы растворившись в своих героях, слившись с ними» [5,

с. 165]. Главная черта ролевой лирики – двусубъектность: «субъект сознания в то же время оказывается здесь объектом авторского сознания» [5, с. 165]. Ролевой герой – это герой детерминированный, его отдаленность от автора выражается в различии их точек зрения.

В работах, посвященных изучению субъектной организации лирики Я. П. Полонского [1; 12], мы встречаем упоминание о ролевом герое только в связи со стихотворением «Песня цыганки». Но ролевой герой в творчестве Полонского, на наш взгляд, представлен гораздо шире, более многопланово. Ролевого героя мы встречаем в таких произведениях, как «Ах, как у нас хорошо на балконе, мой милый!», «Песня», «Диссонанс», «Неотвязная», «Туда!», «Болгарка», «Татарская песня», «Натурщица».

В поэзии Полонского мы выделяем общие для ролевого лирического героя черты. Ролевым героем в большинстве стихотворений является женщина. Как нам представляется, подобный гендерный акцент в ролевой лирике поэта обусловлен влиянием эпохи. «Летописцем своего времени, отразившим в творчестве духовную атмосферу современного общества» называет Полонского Г. П. Козубовская [4]. «Полонский прикован к современной ему истории, к человеку, пребывающему в ней», – считает Е. М. Баранская [1, с. 7]. В 1840-е гг. широкое распространение получают идеи женской эмансипации: начинает уделяться большое внимание роли женщины в обществе, начинается борьба за равноправие полов. Тип эмансипированной героини проникает и в литературу. В произведениях Тургенева («Отцы и дети», «Рудин»), Чернышевского («Что делать?»), Некрасова («Русские женщины», лирика) центральными фигурами становятся женщины, равнодушные к социальным и политическим вопросам, готовые отстаивать свое мнение наравне с мужчинами.

В ролевой лирике Полонский проявляет интерес к такому типу героини. Сильная, гордая, самоотверженная женщина, готовая на риск, подвиг ради любви, на самопожертвование ради свободы и счастья других, становится основным предметом изображения. Черты ролевой героини остаются неизменными и в любовной лирике, и в произведениях, посвященных социально-исторической тематике.

Поэт рассматривает этот тип ролевой героини в любовной лирике, стараясь показать всю глубину и страстность чувств женщины. Во всех произведениях, кроме самого раннего «Ах, как у нас хорошо на балконе, мой милый!» (1845) [9, с. 56], любовь приносит ролевой героине страдания. Но даже в названном выше стихотворении раннего периода творчества поэта выявляется диссонанс в чувствах влюбленных: идиллическая пейзажная зарисовка, представляющая нашему взору озеро на заре, заканчивается строками «Сколько ты мне ни толкуй, что родная стихия твоя – Мир, а не жаркое солнце, не грудь молодая моя!» [9, с. 56]. Героиня понимает, что для ее возлюбленного главным в жизни является другое призва-

ние. Такое отношение вызывает в ней протест, что выражается в использовании сниженной лексики («не толкуй») на фоне высоких книжных оборотов («в объятьях стихии родной», «сиянье зари»). В этом стихотворении зарождается тип ролевой героини Полонского – женщины, наделенной сильной волей, способной стойко перенести разлуку.

Еще одной характерной чертой ролевой героини Полонского является обреченность чувств, невозможность счастливой любви. Влюбленные могут быть разделены пространственно, как, например, в стихотворении «Туда!» (1880):

Ты знаешь ли тот край, где высятся Балканы, –
Гнездо грабителей, орлят и Божьих гроз,
Где солнца зной гноит зияющие раны,
И трупный запах слит с благоуханьем роз?
Туда, туда, о, милый мой,
Умчалась бы я следом за тобой!.. [9, с. 328]

Стихотворение «Песня» (1859) также является своеобразным обращением к возлюбленному. Из строк «Будто милый едет, Едет с позвонками / По степи широкой...» [9, с. 147] становятся ясны причины печали героини: возлюбленный, «милый», далеко и героиня живет надеждой на его возвращение, прислушивается к ночным звукам, но напрасно: «Зорька выплывает – Заревом играет», а «милый» так и не появляется. Опять преградой для счастья становится расстояние.

В стихотворении «Неотвязная» (1895) причиной разлуки становится соперница. Ролевая героиня этого произведения готова бороться за свою любовь, жертвуя положением в обществе и даже жизнью («Пусть бранят меня, – зовут / Невозможной, неотвязной!», «Бей меня или – убей! / Я твоя, – твоей умру я» [9, с. 431]). Она не отступит от своих чувств и перед лицом смерти:

Сколько б ты ни изменял,
Что б ни делал, – друг мой милый! –
До могилы ты был «мой»,
Будешь «мой» и за могилой... [9, с. 431]

Но чертами сильной личности обладает героиня не только любовной лирики Полонского. Мы полагаем, что в произведениях, посвященных социальной тематике, сильные стороны характера ролевой героини представлены более ярко.

Например, в стихотворении «Болгарка» (1876), посвященном теме борьбы Болгарии за независимость, гордая, независимая героиня стойко переносит страдания, но уже не от разлуки с любимым, а от разлуки с родиной:

Без песен и слез, в духоте городской,
Роптать и молиться не смея,

Живу я в гареме, продажной рабой
У жен мусульманского бея [9, с. 289].

Внешне она хладнокровна, но противопоставление «Глаза мои сухи, – в огне голова, / Все небо мне кажется красным», обилие слов с семантикой огня и цветowych эпитетов («селенье *горело*», «в *кровавом* стоят освещеньи», «в их *дыму* я задохнусь тогда») показывает нам всю степень отчаяния героини. Но даже в безвыходном положении ролевая героиня не смиряется с судьбой, она в «предчувствии мщенья». Она готова пожертвовать жизнью, но уже не ради любимого, а ради собственной свободы:

Приди же, спаситель! – бери города,
Где слышится крик муэзина,
И пусть в их дыму я задохнусь тогда... [9, с. 289]

Нам кажется, что в этом произведении Полонский ощущает влияние социально-исторических событий, является своеобразным камертоном общественных настроений. В конце 1870-х гг. происходит борьба за независимость Болгарии, попытка освободиться от власти Турецкого султаната. Благодаря вмешательству России Болгария была освобождена от многовекового турецкого ига. Отголоски этой внешнеполитической ситуации мы находим и в литературе.

Например, стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Памяти Ю. П. Вревской» (1878) посвящено (как и произведение Полонского «Болгарка») теме борьбы Болгарии за независимость. В 1878 г. Полонский и сам посвятит стихотворение «Под Красным Крестом» памяти баронессы Ю. П. Вревской, воспев подвиг молодой дворянки, покинувшей размеренную жизнь в светском обществе ради подвига сестры милосердия.

В произведении Тургенева героиня показана как женщина, способная ради «служения ближним» отдать свою жизнь. Она – сильная личность, ее стремления вызывают восхищение автора: «Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы!» [10, с. 515]. Так же отчаянно борется за свободу своего народа и героиня стихотворения Полонского «Болгарка»: «В глазах ли обман, иль схожу я с ума, – / Иль это предчувствие мщенья!».

В стихотворении «Татарская песня» (1846) Полонский затрагивает проблему национального неравенства. Поэт описывает страдания ролевой героини-грузинки, влюбленной в татарина и осуждаемой общественными нравами за свою любовь. Отчаянием наполнен песенный рефрен: «Не бросай в меня камнями!.. / Я и так уже ранена...» [9, с. 118]. Горе и страдание ролевой героини поэт передает и на уровне звукописи, используя ассонансное повторение звуков [о] и [а]. Но внешне героиня бесстрашна: ее не пугает ни общественное осуждение («Презирайте за то, что его я люблю! / Злые люди, грозите судом – / Я суда не боюсь и вины не таю!»), ни слухи («Говорят, на чужой стороне / Девы Грузии блеском своей красоты /

Увлекают сердца...») [9, с. 118]. Она непреклонна, верна своим чувствам. Нарушить ее спокойствие способен лишь топот приближающейся лошади: не возлюбленный ли вернулся? Момент напряженного ожидания Полонский передает при помощи синтаксических приемов. В последней строфе восклицательные предложения, которыми изобиловал текст стихотворения, сокращаются до осторожного «Чу!». В последних строках поэт использует парцелляцию, как будто представляя читателю ряд кадров, изображающих затаенное ожидание героини:

...Чу!

Кто-то скачет... копыта стучат...

Пыль столбом... я дрожу и молитву шепчу [9, с. 118].

Но поэта интересуют не только колоритные экзотические ролевые героини. В стихотворении «Натурщица» (1879) Полонский изобразил жизнь современного города. Мы считаем, что в этом произведении сильно влияние демократической некрасовской школы. Полонский, чутко улавливающий любые изменения, ощущает новую тенденцию – демократизацию поэзии. Его ролевая героиня становится похожа на героиню Некрасова. Она – обычная девушка из бедной семьи, обреченная на унижительный труд из-за бедности. Но при этом ролевая героиня не теряет свои характерные черты. Даже в самом бедственном положении ей удастся сохранить гордость и чувство собственного достоинства. Она считает свою жертву оправданной:

Стыд прошел, и вот из нужды,

Я служу искусству; чужды

Мне приличья светских дам:

Как они, я не скрываюсь,

И, когда я раздеваюсь,

Раздевать себя не дам [9, с. 344].

В поэтике стихов, в которых присутствует ролевой герой, существенное место занимает заголовочный комплекс. А. А. Моисеева отмечает: «Имя или статус ролевого героя, акцентирующие нетождественность говорящего автору, чаще всего указываются в заглавии стихотворения» [6, с. 15]. И. А. Каргашин также акцентирует внимание на «компонентах рамки, чаще всего – именно начала текста (заголовочный комплекс, предисловия, эпиграф)» [3, с. 12]. Стихотворения Полонского, отнесенные нами к ролевой лирике, имеют заголовок, который определяет психологическое состояние ролевого героя («Неотвязная») или – шире – национальную принадлежность («Песня цыганки», «Болгарка», «Татарская песня»). Вынесение данных характеристик ролевого героя в заглавие задает верное направление интерпретации с первых строк, отражает дистанцию между автором и носителем «чужого» сознания изначально.

Кроме того, заголовок в ролевой лирике Полонского предопределяет

жанровую принадлежность стихотворения («Песня», «Песня цыганки»). По мнению А. А. Моисеевой, «песня ...обнаруживает тенденцию к максимальной объективизации образа героя» [6, с. 7].

Дистанция между авторским сознанием и «чужим я» достигается не только благодаря изображению женского мировоззрения или изображению ролевого героя, принадлежащего к другой культуре. Полонский использует разнообразные лексико-стилистические средства для придания достоверности «чужому» высказыванию. Поэт включает в текст произведения слова, называющие явления и предметы другого, экзотического мира (например, в стихотворении «Болгарка»: «коран», «минарет», «муэзин», «опахало», «гарем», «мусульманский бей», в стихотворении «Песнь цыганки»: «кибитка кочевая», «шаль с каймою», в стихотворении «Татарская песня»: «золотая граната растет под окном», «холмы Эриванские», «сарбазы»). Об отдаленности автора и ролевого героя свидетельствует и речевая характеристика: «друг мой милый», «милый мой», «милый друг» – подобное обращение ролевой героини к возлюбленному мы встречаем в каждом из исследованных стихотворений.

Основными жанрами ролевой лирики Полонского являются песня и романс. Отсюда и музыкальность, «напевность стиха» [13, с. 328], которая достигается через многочисленные рефрены:

Не бросай в меня камнями!..

Я и так уже ранена... («Татарская песня») [9, с. 118]

Туда, туда, о, милый мой,

Умчалась бы я следом за тобой!.. («Туда!») [9, с. 328]

Где ты, друг мой милый,

Друг ты мой далекий? («Песня») [9, с. 147]

Мой костер в тумане светит;

Искры гаснут на лету... («Песня цыганки») [9, с. 295]

К жанру цыганского романса относится одно из наиболее известных стихотворений Полонского – «Песня цыганки» (1853). Наличие романтической игры, когда автор или лирический герой примеряет на себя различные ситуации и маски, является неотъемлемой составляющей жанровой природы романса [8].

Повествование ведется от лица лирической героини. Ее отдаленность от автора выражается в различии их точек зрения. Лирическая героиня и автор являются носителями разного типа сознания. Но жанр романса демократизируется [7, с. 8] в творчестве Полонского: отсюда и нетипичное для литературного романса осмысление разлуки – это не результат влияния стихийных, могущественных сил судьбы, а волевое решение самой героини, поставившей личную свободу выше любви. «Всего одна деталь – “шаль с каймою” – психологически значима, сосредотачивает в себе и

проясняет историю отношению любящих», – отмечает С. Н. Морозова [7, с. 8]:

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.
Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой? [9, с. 295]

В ролевой лирике Полонский пытается проникнуть в сознание женщины. Поэту удастся достичь отличия ролевой героини и героя-мужчины в чертах характера: ролевая героиня оказывается решительнее, духовно сильнее, чем лирический герой, покорный судьбе, уходящий от жизненных трудностей в мир грез.

Мы считаем, что при создании ролевой героини Полонский подвергается влиянию эпохи. Как мы говорили выше, в характере его ролевой героини прослеживаются черты эмансипированных героинь Некрасова, Тургенева, Чернышевского – женщин, способных на жертву ради идеи. Но, на наш взгляд, ролевая героиня Полонского близка и к ролевой героине А. А. Фета. Несмотря на немногочисленность стихотворений А. А. Фета, которые могут быть причислены к ролевой лирике («Сестра», «Тайна», цикл «Подражание восточному»), мы можем говорить о сходстве ролевых героев. У обоих поэтов в качестве ролевого героя выступает носитель «чужого», «женского» сознания, стихотворениям ролевой лирики присущи любовная тематика и экзотический колорит.

Например, в стихотворении А. А. Фета «Я люблю его жарко: он тигром в бою...» (1847) ролевая героиня обладает чертами гордой восточной красавицы, она восхищается своим возлюбленным («От кобыл Мугаммеда его жеребец», «Он бадья при колодце пустынь», «Будто месяц над кедром, белеет чалма / У него средь широких степей») [11, с. 69]. Свою любовь она ставит выше любви божественной:

Я люблю, и никто – ни Фатима сама –
Не любила пророка сильнее! [11, с. 69]

Сходные черты ролевой героини мы находим и в стихотворении Полонского «Неотвязная» – героиня также отрицает власть судьбы и даже смерти над своим чувством («До могилы ты был “мой”, / Будешь “мой” и за могилой...»). А стихотворения «Татарская песня», «Песня цыганки» также отражают черты «иного» быта.

По глубине изображения психологического состояния ролевой героини сходны стихотворения А. А. Фета «Сестра» и Я. П. Полонского «Диссонанс». И в том и в другом произведении ролевые героини показаны тон-

ко чувствующими настроение своего возлюбленного.

Таким образом, можно сделать вывод, что в изображении ролевой героини Полонский сочетает традиции фетовской и Некрасовской школы.

Мы считаем, что интерес поэтов середины XIX в. к такому типу ролевого героя можно объяснить стремлением к демократизации поэзии, интересом к внутреннему миру другого человека. На наш взгляд, в подобном выборе героя прослеживается и влияние общественных настроений того времени, стремление отстоять социальную позицию женщин.

Как нам представляется, в субъектной системе Полонского ролевой герой так же значим, как и лирический. Типичным ролевым героем Полонского является женщина. Она обладает сильным характером, горда, решительна, самоотвержена, способна на подвиг во имя любви и свободы. Черты ролевой героини Полонского неизменны и в любовной, и в гражданской лирике. На наш взгляд, гендерный акцент в ролевой лирике обусловлен влиянием общественных настроений, историко-культурной ситуацией, а также тенденциями, характерными для русской поэзии указанного времени (творчество А. А. Фета, Н. А. Некрасова).

Список литературы

1. Баранская Е. М. Лирический герой и литературная личность Я. П. Полонского : дис. ... канд. филол. наук. Симферополь : [б. и.], 2001. 202 с.
2. Бройтман С. Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение. М., 1999. С. 136–178.
3. Каргашин И. А. Эпиграф как способ маркирования «ролевой» лирики // Вестн. ОГУ. 2006. № 2. С. 12–17.
4. Козубовская Г. П. Середина века: миф и мифопоэтика : монография. Барнаул : БГПУ, 2008. 260 с.
5. Корман Б. О. Лирика Н. А. Некрасова. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1964. 304 с.
6. Моисеева А. А. Эволюция ролевой лирики на рубеже XIX–XX веков: формирование ролевого героя нового типа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь : [б. и.], 2007. 19 с.
7. Морозова С. Н. Жанр романа в творчестве Я. П. Полонского: соотношение романтического и реалистического // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2010. № 15. С. 36–39.
8. Никкарева Е. В. Жанр литературного романа как отражение философии романтизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ReportId=1015> (12.01.2014).
9. Полонский Я. П. Лирика. Проза. М. : Правда, 1984. 585 с.
10. Тургенев И. С. Дым. Новь. Вешние воды. Стихотворения в прозе. М. : Худож. лит., 1979. 607 с.
11. Фет А. А. Стихотворения. Пермь : Кн. изд-во, 1985.
12. Черашняя Д. Пути анализа лирики // Филолог. 2003. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_3_57 (12.01.2014).
13. Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха. Л. : Советский писатель, 1969. 511 с.